

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Семиотический метод изменения сущностей

Э. Ф. МАКАРЕВИЧ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье анализируется технология конструирования образов, в том числе в отечественной политике, экономике, культуре, литературе. Указывается на актуальность владения подобной технологией в современных условиях, в культуре массовых коммуникаций.

Ключевые слова: семиотика, образы, символы, массовые коммуникации, национальный характер, русская литература, политика.

О СЕМИОТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ В КОММУНИКАЦИЯХ

Массовые коммуникации изначально несут в себе определенные образы. Они вообще не могут существовать без образов. Раньше образ в массовых коммуникациях формировался интуитивно, по большей части способностями создателя — журналиста, писателя, пропагандиста, учителя. Но развитие культуры массовых коммуникаций открыло возможности семиотики для создания, конструирования образа, для анализа существующих, текущих образов. Сегодня можно говорить о технологии анализа и конструирования образов.

Итак, архитекторы коммуникаций видят в семиотике науку о знаках, их создании, восприятии, науку, способную усилить само влияние массовых коммуникаций. Чем же семиотика привлекла их? Если следовать Ф. де Соссюру, одному из основоположников семиотики, то — единством и взаимодействием означаемого (некой вербальной сущности, некоего понятия, некоего объекта как предмета мысли) и означающего (знака, выраженного в определенной форме). Но уже Р. Барт развивает,

углубляет такое понимание взаимодействия. Он, как философ, отдающий дань постструктурализму, обращаясь к знаку, выделяет в нем смысл и постулирует такое соотношение: «означающее — означаемое — знак». То есть знак — это ассоциация объекта и смысла. Подтолкнул Барта к такому пониманию знака Г. Фреге, немецкий логик конца XIX в., который знак рассматривал как двустороннюю сущность. Знак материален (название этому — денотат) и нематериален (коннотат), несет в себе некий смысл. Другими словами, знак имеет и некое материальное выражение, и образ его, который рождается на основе смысла. В знаке уживаются логическое (материальное, точный смысл) и смысловое (символическое, передающее ассоциативный смысл некоего объекта, сущности, понятия). И, как говорит Барт, для знака, выраженного в определенной форме, смысл — это подручный запас истории, он богат и покорен, его можно то приближать, то удалять, стремительно чередуя одно и другое, «форма постоянно нуждается в том, чтобы вновь пустить корни в смысл и напитаться его природностью; а главное, она нуждается в нем как в укрытии» (Барт, 1996: 243).

Но знаки в их смысловом и материальном выражении — это совокупность неких сигналов, которые необходимо выявить, это знаковая структура, объединенная своего рода принципами сочетания, соответствия символов как знаков какому-то одному значению в границах определенного послания. Это своего рода знаковый код. Такое понимание кода дает Н. Осипова, утверждая, что коды должны быть теоретически освоены участниками коммуникации — через язык, знания, ценности, традиции, социальные нормы (Осипова, 2011: 48). И это понимание кода более всего применительно в массовых коммуникациях.

Нельзя здесь обойти такой вопрос, как наличие у каждой знаковой системы, коммуникационной системы своих правил организации, своих критериев выявления сути знаковых сигналов. В политических, экономических коммуникациях, в коммуникациях в сфере культуры и искусства присутствуют свои коды. В экономических коммуникациях — рынок, рыночный фетишизм, неолиберализм, социальность, государственное регулирование. В политике — она может быть правая и левая, либеральная и социальная, космополитическая и патриотическая, могут выдвигаться коды социальной справедливости или обогащения, совести, любви и доверия (Попов, Федоров, 2004; Луман, 2001). Но есть еще коды ментальные, соответствующие глубинной психологии народа, его национальному характеру. И когда знаковая система, создающая образ, будет соответствовать определенному коду, резонансному, ментальному (психологии народа), то эта система будет исключительна в своем влиянии на человека.

Но как это можно использовать в практике коммуникаций? А если можно, то что это даст коммуникационному миру?

Использовать можно, если обратиться к философии постструктурализма. Главный ее принцип, по словам одного из ее адептов Ж. Делеза, состоит не в том, чтобы отражать налично данное, а чтобы создавать понятия того, что еще должно стать объектом и событием (Делез, 2011: 6). Поэтому дело философии — новое расчленение образов вещей, считающихся концептуально целостными, и груп-

пирование новых образов вещи, которая должна еще стать объектом. Делез исходит из того, что смыслы порождаются событием (сущностью, объектом) и требуется анализ этого смысла-события. Событие обитает в выражающем его предложении (знаке) и оживает в вещах на поверхности и на внешней стороне бытия, т. е. в знаках.

Во взаимодействии смыслов и знаков Делез руководствуется парадоксом Г. Фреге о бесконечном размножении вербальных сущностей. «Первое состояние сущности — это сущность как означаемое (*signiffee*) предложением в порядке понятия или импликаций понятия. Второе состояние — это сущность как то, на что указывает (*designee*) предложение в конкретных вещах, куда она входит. Но третье — это сущность как смысл, сущность как выраженное: всегда с присущей ему сухостью (*animal tantum*) со своей великолепной стерильностью или нейтральностью. Смысл безразличен к универсальному и единичному, общему и частному, личному и коллективному, а также к утверждению и отрицанию и т. д. Короче, он безразличен ко всем оппозициям, ибо последние — только модусы предложения, взятые в отношениях десигнации и сигнификации, а не характеристики смысла, выражаемого предложением. Не перевешивает ли тогда статус чистого события с присущей ему фатальностью все эти оппозиции: ни частное, ни публичное; ни коллективное, ни индивидуальное... не является ли смысл более устрашающим и всеильным в такой нейтральности — всеильным в той мере, в какой он является всеми этими вещами сразу?» (там же: 52–53).

Смысл, который ко всему безразличен, это часть знака, часть образа сущности. Смысл безразличен и нейтрален, пока он не является точным смыслом, пока форма не следует смыслу. Но точность смысла появляется после соотношения его с кодом первого состояния сущности — политическим, экономическим, эстетическим. Код задает эту точность. И тогда, меняя форму под влиянием точного смысла, мы получаем новый знак, который, в свою очередь, предлагает новый смысл. Это уже есть новый образ, способный изменить сущность.

Ориентируясь на первое состояние сущности, знак и смысл обмениваются своей свободой. «Свободный» знак предлагает определенный смысл, так же как «свободный», безразличный смысл, встречаясь с кодом первой сущности, рождает некий знак.

Докажем это на некоторых семиотических опытах, анализирующих процесс взаимодействия знаков и сущностей.

Опыт «экономический». Посмотрим на экономику России, которую необходимо модернизировать, инновационно изменить. Для этого была разработана целая программа — Стратегия–2020, некая вербальная сущность, определяющая ориентиры инновационного развития страны. Доверимся эксперту, который анализирует эту программу (Иноземцев, 2012: Электр. ресурс).

Вот глава о транспорте: «Преодоление территориальной разобщенности». Здесь правительство ставило задачу повышения инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры до 4–4,5% ВВП к 2020 г., а на дорожное строительство намеревалось потратить за 2011–2020 гг. 8,4 трлн руб. Подробно описывается, какие налоги в стране будут повышены, чтобы эти деньги собрать. Нет только никаких сведений о том, что же, собственно, будет построено, отмечает эксперт. Ни одной цифры. В Стратегии-2020 воплощена первая и основная «линия» современного российского прогнозирования: рассматриваются только и исключительно затраты. Они выражены в понятных цифрах. Результаты же либо не упоминаются, либо отражены в процентах, долях или месте страны в рейтингах. Но только не в конкретных показателях.

Для сравнения эксперт приводит план развития народного хозяйства в Китае. Там отсутствуют объем инвестиций, финансовые показатели как таковые. Там другие показатели. Повысить продолжительность жизни до 74,5 года и создать 70 млн рабочих мест. Распространить пенсионную систему дополнительно на 100 млн человек и построить 36 млн квартир для сдачи в социальный наем. Следует на 16% сократить энергоемкость ВВП и на 3,1% (т. е. до 11,4%) увеличить долю энергии, получаемой из возобновляемых источников. Ввести в строй ги-

дроэлектростанции установочной мощностью 120 ГВт, ветровые установки общей мощностью 70 ГВт и солнечные батареи мощностью 5 ГВт. Построить 23 тыс. км нефте- и газопроводов (в основном между Китаем и среднеазиатскими республиками бывшего Советского Союза). Ввести в строй 19 тыс. км скоростных автострад и более 7 тыс. км высокоскоростных железнодорожных магистралей. Соорудить 440 причалов для погрузки и разгрузки судов водоизмещением от 10 тыс. т и выше; реконструировать 19 и открыть 9 новых международных аэропортов; создать в различных регионах страны 42 транспортных хаба (узла), в которых к аэропортам подведены автомобильные и железные дороги.

Эксперт делает вывод о том, что история России последних 12 лет показывает: возможности планирования в финансовых показателях исчерпаны. Инвестиций достаточно, но скоростной автодороги между Москвой и Петербургом нет. Вложений в перевооружение армии достаточно, но нового оружия закупается меньше, чем в конце 1990-х годов. Инвестиционная программа РЖД растет каждый год, но железных дорог строится меньше, чем при Александре II.

Так что же нужно сделать, чтобы экономика России изменилась?

Переложим данную ситуацию на язык семиотики, в основе которого философия постструктурализма. Экономика России, ждущая модернизации, — сущность первого порядка. Соответствующий этому ожиданию знак (образ) включает идею инновационного развития и некую форму (своего рода индикатор), отражающую эту идею, — сущность второго порядка. Этот индикатор выступает в двух вариантах: стоимостные индикаторы (сколько денег «вквали») и натуральные (сколько построили заводов, дорог, портов). Стоимостные индикаторы как оценка результатов мало способствуют изменению сущности (в данном случае экономики России), а натуральные — значительно влияют на процесс изменения сущности в отмеренные сроки. Стоимостный индикатор — это код, в основе которого рыночный фетишизм. Этот индикатор меняет созданный смысл на квазисмысл, смысл мнимой

модернизации. И в конечном счете появляется образ аморфной модернизации.

Но возьмем натуральный индикатор, соответствующий коду сущности первого порядка — государственному регулированию. Такой индикатор (он же — знак) создает смысл реальной модернизации. И рождается другой образ этой модернизации — четкий, натуральный, отмеренный сроком. Так, знак, он же — образ, может изменять сущность первого порядка — экономическую модернизацию России.

Чтобы эта модернизация становилась реальностью в России, нужно перейти от одного образа ее к другому, перейти от стоимостных показателей к натуральным и от планирования объемов инвестиций к оценке результатов.

Опыт историко-политический. В истории России была революция октября 1917 г., по характеру социалистическая. В Советском Союзе ежегодно отмечалась памятная дата, связанная с ней: в день революции 7 ноября (по новому стилю) проводились военный парад и праздничная демонстрация граждан в столице страны и во всех областных и республиканских центрах. В России постсоветской было решено отказаться от этого праздника как не соответствующего духу и ценностям нового государства. Так как эта памятная дата противоречиво воспринималась гражданами страны, впрочем, как и личности вождей революции — Ленина, Троцкого, а потом и Сталина, то необходимо было найти решение, удовлетворяющее разные стороны. И найти это решение помог семиотический подход.

Если Октябрьская революция и рождение социалистической России и потом СССР — сущность первого порядка, то ежегодный ноябрьский военный парад в день революции, фиксировавший ее в сознании масс, был сущностью второго порядка, порождающей единственный смысл (идею): Октябрь создал государство, ставившее целью построение коммунистического общества. И парад укреплял образ Октября как образ советской социалистической страны — СССР. Чтобы уйти от такого видения этой даты, нужно было создать иной образ ее, а для этого надо было разорвать связь между датой 7 ноября и военным парадом. Для этого дату 7 ноября 1917 г. поме-

няли на дату 7 ноября 1941 г., когда было иное событие — парад на Красной площади в честь очередной годовщины Октября, после которого войска, участвующие в параде, занимали боевые позиции под Москвой, чтобы сражаться с гитлеровскими полчищами, стремившимися захватить столицу Советского Союза.

И теперь, в 2000-е годы, в день 7 ноября проводится парад в честь парада 7 ноября 1941 г., но не парад в честь Октября 1917 г. Родился другой образ. Изменив сущность второго порядка посредством замены парада в честь Октября парадом в честь защитников Москвы от гитлеровского нашествия, получили иной смысл образа — не рождение социалистического государства, а разгром немецко-фашистских войск под Москвой в ноябре — декабре 1941 г. И привлекателен этот парад прежде всего для ветеранов войны и труда. Парад, как материальный знак, изменил смысл, а отсюда и образ события.

Опыт литературоведческий. Возьмем рассказ большого русского писателя Ивана Бунина «Ида». Компания старых приятелей завтракала на Святках в ресторане, и один из этой компании, композитор по роду занятий, рассказал историю о том, как некий господин влюбился в подругу своей жены, которую звали Ида и которая регулярно посещала его семейство. Но осознание этой любви ему пришлось позже, через несколько лет, когда он встретил ее однажды вдали от Москвы. И случилось неожиданное объяснение, которое прозвучало из ее уст: «Знали ли вы и знаете ли вы теперь, что я любила вас целых пять лет и люблю до сих пор?» Но еще до этого признания, как только он встретил ее на этой дальней станции, он понял, что это действительно была та, что предназначена была ему судьбою. Но он этот шанс упустил давно. И уже ничего не могло изменить, даже ее признание. И жизнь ее была связана с другим. А господин этот, которому исповедались в любви, оказался тем самым композитором, который был душой той интеллигентной компании, что завтракала в московском ресторане.

Сущность первого порядка здесь, конечно, личность Иды. Но чем она себя проявляет, каким знаком?

Словами, признанием в любви?
Поцелуем!

«Одним из тех поцелуев, что помнится потом не только до гробовой доски, но и в могиле», — пишет Бунин. Поцелуй — сущность второго порядка, проявление Иды, это знак любви, смысл этого знака — любовь.

Но дальше знак меняется. После рассказа композитора компания поехала кутить дальше — в «Яр», от «Яра» — в Стрельну. И там композитор, упустивший свое любовное счастье, о коем так чувственно поведал друзьям, пил водку, простую с красной головкой, ел блины и плясал. Причем плясал «молча, свирепо и восторженно».

А утром возвращались домой. Вся компания мчалась на тройке по морозным московским улицам. И всходило солнце из-за Страстного монастыря — «ледяное, красное». И ударил колокол, потрясший всю морозную, заснеженную, сверкающую под солнечными лучами Москву. И композитор «сорвал с себя шапку и что есть силы, со слезами закричал на всю площадь: «Солнце мое! Возлюбленная моя! Ура-а!».

Так рождаются новые знаки, дающие новые смыслы.

Ведь и тот поцелуй, о котором помнят в могиле, и эта водка, блины, свирепая пляска, ослепительная морозная Москва, красное солнце из-за Страстного монастыря и удар колокола — все это знаки одного порядка, выражающие многослойность смыслов — любовь, томление страсти всех любивших, блаженство быть с любимыми и потерянное счастье, когда любимые уходят, и память любви, которой связаны любившие. И эти смыслы раздвигают понятия любви — это не только Ида, а это уже земля, Родина, Отечество. Так знак многослойностью смыслов раздвигает первоначальное понятие, сущность первого порядка — образ Иды.

Но и прощальный поцелуй, и водка, и свирепость пляски, и красное солнце, и пронзительный звук колокола — тревожные знаки, знаки уходящего мира, уходящей России, той России, которую будут помнить в могиле. Так взаимосвязь знака, смысла, задающая многослойность образу, изменяет первоначальную

сущность предмета повествования, и частная история превращается в рассказ мощного философского звучания. Многослойность этих образов соответствует, по сути, одному значению, одному коду — русскости, России.

Писатель конструирует мир — сначала в границах любовных чувств двоих, а потом расширяет его до судьбы России, создавая определенные знаки, соединяя и разъединяя их логикой изменений, логикой кодов, задающих самые страшные смыслы в судьбе России.

Опыт политико-семантический. Известны такие названия города на Неве — Санкт-Петербург и Петроград. И впечатление от каждого из названий разное. В семиотике, наряду с денотативным (предметным, прямым) значением, различают коннотативное значение — семантическое значение, которое формируется в зависимости от социокультурного и исторического контекста. Оценим слова «Петербург» и «Петроград» исходя из семантического значения и звучания как эмоциональной характеристики.

«Петербург» — название столицы, города открытого миру. Или, как сказал Альгаротти, итальянский литератор, посетивший Россию в 1739 г., «Петербург — это окно, через которое Россия смотрит в Европу». И слово это при произношении — мягкое, продолжительное, аморфное, космополитическое — «все флаги в гости будут к нам».

А вот «Петроград» по своему значению выражает название города, где обосновалась власть Российской империи. И по звучанию слово «Петроград» — жесткое, властное, с раскатистым «р-р-р»; «град» — как удар грома, «град» — как город и как гранит.

И Пушкин пишет в «Медном всаднике»:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,

Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром...

Слово-знак «Петроград» меняет смысл существования этого города. Строгий, державный, гранит, гром, военная столица — все это

смыслы властности, твердости, силы, олицетворенные в слове-знаке.

И Пушкин в «Медном всаднике», поэме об отношениях власти и народа, властителя-царя и простого человека, об укрощении стихии народного гнева жестким правителем, ни разу не использует слово-знак «Петербург». Он этот город впервые называет Петроградом:

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.

Пушкин впервые придает названию этого города имперское и русское звучание:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия...

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Так два коннотативно различающихся слова, дающие название одному и тому же городу, по-разному трактуют его судьбу. Слово — знак. Но знак, меняющий сущность первого порядка, судьбу города.

Если Петербург впервые был назван Петроградом Пушкиным в поэме «Медный всадник» (1833 г.; здесь Петроград — символ власти), то переименован Петербург в Петроград был в 1914 г., назло «немцу» (город как столица воюющей страны), когда Россия вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты. А уже в 1924 г. Петроград стал Ленинградом (городом революции). Но в 1991 г. было третье переименование в истории города — из Ленинграда снова в Петербург. «Мягкое» название, дружественное Европе.

АРТЕФАКТ, ИЗМЕНЯЮЩИЙ СУЩНОСТЬ

Семиотический подход способен изменять и артефакты. Что есть артефакт? Он определяется как продукт, способный сохраняться более длительное время, чем сама породившая его культура (Социологическая энциклопедия, 2003: 64). Иначе говоря, если к жизни определенного объекта культуры в пространстве добавляется координата времени, то он пере-

ходит в категорию артефакта. Артефакты могут быть как осязаемые, так и неосязаемые, могут относиться как к материальным (осязаемым), так и к духовным (неосязаемым) достижениям определенных эпох.

Описывая такой феномен, как артефакт, стоит обратиться к некоторым идеям немецкого социолога Н. Лумана из его теории социальных систем. Артефакты могут существовать в качестве объектов, которые со временем стареют, или в качестве событий, которые стремятся исчезнуть, но им не дают. Всякое событие вносит общее изменение в прошлое, будущее и настоящее уже потому, что передает статус настоящего следующему событию и становится для него прошлым (Луман, 2007: 378). И все события эти несут определенные идеи, связаны с явлениями, выражающими сущности. Так происходит видоизменение, развитие артефакта, которое невозможно без пунктуализации, детализации элементов в качестве события. Но это возможно лишь во времени и благодаря ему, что создает необходимость регулировать воспроизводство событий событиями, отмечает Н. Луман. Ссылаясь на него, можно сказать, что время, разложенное на события, придает действию (событию) индивидуальность, придает индивидуальность артефакту в определенную эпоху. При этом артефакт становится образом, знаковой системой, когда впечатление о некоем продукте культуры выстраивается на основе определенного смысла, определенной идеи.

Следуя логике Н. Лумана, резонно учитывать, насколько образ события, образ как артефакт, самоидентичен и не имеет расхождения с самим событием, с реальностью (там же: 381). Этому учету отвечает процесс самореференции, который осуществляет исследователь. В ходе самореференции выявляется смысл, идея образа артефакта. И вот эта идея образа артефакта, все ее последующие изменения во времени и пространстве, которые фиксирует самореференция, должны соответствовать определенному значению — коду.

Код может выступать как определенная социальная характеристика, как миф, как архетип, как некий критерий. Артефакт как образ продукта культуры определенной эпохи лишь

тогда артефакт, когда соответствует коду, несущему в себе определенное значение. Если код спроецировать на образ артефакта, то появится вектор, соединяющий события разных времен, связывающий историю с современностью. И тогда артефакт становится актуальным в контексте современности.

Та же самореференция позволяет измерить расхождение между кодом и образом определенного продукта культуры. Если этот образ не отвечает коду, то это просто информационный шум эпохи, который сам по себе тоже может быть интересен.

Взяв за основу некий артефакт, меняющейся во времени, и признав его образом, знаковой системой — сущностью второго порядка, — отвечающей определенному коду, следует признать право артефакта на изменение главного понятия — сущности первого порядка, от которой он является производной.

Способность артефакта как образа продукта культуры сохраняться длительное время зависит прежде всего от количества связей этого образа с событиями и объектами как эпохи, его породившей, так и эпох приходящих. Эти связи показывают, как изменялся образ данного артефакта, как изменялось отношение к нему.

Знаковая система, в основе которой образ как артефакт, как сущность второго порядка (объект, предмет, персонаж, произведение искусства) или события отражает ментальность, психологию народа, его творческий потенциал, создает образ истории страны, связанный с ключевыми событиями в координатах «народ — история — достижения». Историям, отмеченным образами-артефактами, уготована более долгая жизнь.

И вновь опыт литературоведческий. Обратимся к гоголевским «Мертвым душам», сочинению 1842 г. Главный герой повести — Павел Иванович Чичиков, коллежский советник, помещик притом, представитель российского чиновничества. Гоголь говорит о нем так: «...вот весь налицо герой наш, каков он есть!».

Что здесь артефакт? Это российское чиновничество, представленное образом Чичикова, продукт, явление российской управленческой культуры. Этот продукт, именуемый артефак-

том, и есть сущность второго порядка, производная от главного понятия — николаевской России, сущности первого порядка.

Но обратим внимание на третью сущность в системе вербальных сущностей по Делезу — смысловую. Каков смысл деятельности российского чиновничества? Как его трактует Гоголь, задаваясь вопросом: кто же он, наш герой, «относительно качеств нравственных»? И ответ его стоит привести полно:

«Что он не герой, исполненный совершенства и добродетелей, это видно. Кто же он? стало быть, подлец? Почему ж подлец, зачем же быть так строгу к другим? Теперь у нас подлецов не бывает, есть люди благонамеренные, приятные, а таких, которые бы на всеобщей позор выставили свою физиогномию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-нибудь два, три человека, да и те уже говорят теперь о добродетели. Справедливее всего назвать его: хозяин, приобретатель. Приобретение — вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название *не очень чистых* (курсив мой. — Э. М.)» (Гоголь, 1975: 228).

Итак, Чичиков, который скупал мертвые души у помещиков, чтобы заложить их в опекунский совет и иметь прибыль, занимался делом не очень чистым, мошенническим делом. Выходит, занятие нечистым делом — идея образа Чичикова, который олицетворяет чиновничество в ту далекую эпоху. Идея эта неплохо примеряется на то российское чиновничество. Укрепим это предположение еще и словами начальника Третьего отделения императорской канцелярии графа Бенкендорфа Александра Христофоровича: «Хищения, подлость, превратное толкование законов — вот их (чиновников. — Э. М.) ремесло. К несчастью, они-то и правят, так как им известны все тонкости бюрократической системы». Как не Гоголю эти слова знать, три года работал он чиновником в Третьем отделении у Бенкендорфа.

Так какой же образ России формирует такой артефакт, как чиновничество, у которого смысл существования — инстинкт приобретательства, мошенническая струна? Здесь надо выявить знак, который, по сути, и создает образ России.

И знак этот — тройка лихих коней, это забываемое гоголевское: «Эх, тройка! птица тройка! кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи».

Какой прекрасный знак, рождающий впечатляющий образ! Да подпорчен он нечистым делом, коим охочи заниматься российские чиновники. И поэтому тройка эта — не дорожный снаряд, схваченный винтом, а снаряд «наскоро живьем с одним топором да долотом», снаряженный ярославским расторопным мужиком. И ящик-то там «сидит черт знает на чем».

Но несется тройка-Русь! «Русь, куда ж несешься ты?» — вопрошает Гоголь. И нет ответа. Только «летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканье...» И предложение последнее, коим заканчивается повесть: «Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Какой же код позволяет открыть сущность этого артефакта — чиновничества с его смыслом деятельности, задающего образ России? Это код ментальный, код русского характера. Гоголь явил русский характер в чичиковщине, маниловщине, ноздревщине, хлестаковщине (если вспомнить «Ревизора»). Эти явления, соотносимые с русским человеком, неотрывны от национального характера, о котором Чернышевский говорил, что благодаря Гоголю, это «сознание о нас самих», «кто мы таковы». И какой же смысл образа России определяет чиновничество, чей характер «пропитан» чичиковщиной? Своеобразный смысл, своеобразный образ.

Вороватые управленцы-чиновники — дорожный снаряд, сляпанный «наскоро, живьем, с одним топором» — и дорога невесть куда, по которой несется этот хлипкий снаряд, — и наводящее ужас движение, от которого отшатываются другие народы и государства, — бесшабашная страна Россия. Вот ка-

кой образ выстраивает артефакт, именуемый российским чиновничеством. Это на момент создания повести.

Но бежали десятилетия. Как менялся этот артефакт в новых эпохах? России помещицей и капиталистической соответствовало чиновничество, склонное к «не очень чистому делу», по Гоголю. Потом был Советский Союз, который пережил «нэпмановскую» эпоху с чиновничеством, во многом тоже склонным к «нечистому», а потом эпоху индустриализации и коллективизации, где смысл существования чиновничества определялся эффективностью управления, замешанному на жестокости и крови. В последние советские десятилетия жестокость уступила место махровому бюрократизму. Но именно в советскую эпоху Россия обрела «дорожный снаряд», не топором срубленный, а «железным винтом схваченный», и дорога у него была не невесть куда, а к цели, пусть социально-утопической, но цели. И в советских школах трактовали «птицу-тройку» как образ России социалистической, хотя Гоголь в этом понятии совершенно не присутствует.

А события, втиснутые в бегущее время, изменяли и дальше артефакт чиновничества. Когда в 90-е годы XX в. Россия вернулась в лоно капитализма, чиновничество вновь обрело смысл существования по-чичиковски — в нечистом деле. Только мерялось оно не масштабом мертвых душ, а гигантскими сделками, гигантскими наворованными суммами. И замаячил образ страны, где «железный дорожный снаряд» трансформируется в нечто срубленное наспех, несущееся в никуда. И «Мертвые души» и «Ревизора» предлагают изучать в школах в самом последнем, «взрослом» классе, подчеркивая, что «Гоголь имел в виду не высмеивание царских чиновников, как это понималось в советское время, а мытарства одной души, где каждый из героев — это различные грехи» (Подосенов, 2013: Электр. ресурс).

Разве это не приключения во времени артефакта, именуемого чиновничеством, в России?

И все же есть одна линия в гоголевской «тройке-России», внушающая оптимизм. Мо-

жет, эта «тройка» действительно обгонит другие народы? Оптимизм этот связан с развитием русского характера, который Гоголь увидел в Пушкине, когда сказал о нем: «...это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». Ошибся Гоголь в сроках, но не в смыслах. Русский характер, характер изменяющийся, развивающийся, ибо нация молодая может создать такие образы, которые способны освободить чиновничество от дел нечистых и изменить саму Россию.

И послесловие. В современном мире умение конструировать образы определяет изменение субъектов этого мира. Конструкторам образов свойственно одно качество, о котором говорил Сальвадор Дали. Это способность видеть в одном предмете другой. Обладая этой способностью, можно овладеть технологией конструирования, предполагающей разъединение и соединение признаков сущностей, создание знаков, меняющих смыслы, и смыслов, меняющих знаки, группирование новых образов в соответствии с определенным кодом. В массовых коммуникациях такими конструкторами выступают художники, литераторы, деятели искусства, в том числе и деятели так называемого нового искусства, специалисты по связям с общественностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт, Р. (1996) Мифология / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Изд-во им. Сабашниковых.
- Гоголь, Н. В. (1975) Мертвые души. М. : Просвещение.
- Делез, Ж. (2011) Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М. : Академический проект.
- Иноземцев, В. (2012) К гадалке не ходи [Электр. ресурс] // Московский комсомолец. 29 октября. № 26079. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2012/10/28/766957-k-gadalke-ne-hodi.html> (дата обращения: 12.05.2013).
- Луман, Н. (2001) Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Праксис.
- Луман, Н. (2007) Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб. : Наука.
- Осипова, Н. О. (2011) Семиотика культуры. М. : Экслибрис.
- Подосенов, С. (2013) Островского и Тургенева ставят в школах на особый контроль [Электр. ресурс] // Известия. 6 марта. URL: <http://izvestia.ru/news/545948> (дата обращения: 12.05.2013).
- Попов, В. Д., Федоров, Е. С. (2004) Коммуникативные коды имиджа власти. М. : ИД «Камерон».
- Социологическая энциклопедия (2003) : в 2 т. / гл. ред. В. Н. Иванов. М. : Мысль. Т. 1.
- Дата поступления: 15.05.2013 г.

THE SEMIOTIC METHOD FOR THE CHANGE OF MATTERS

E. F. Makarevich

(Moscow University for the Humanities)

The article analyzes the technology of images' construction, including those in Russian politics, economics, culture, and literature. The topicality of the mastering of a similar technology in the modern context, in the mass media culture, is pointed out.

Keywords: semiotics, images, symbols, mass communications, national character, Russian literature, politics.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Bart, R. (1996) Mifologija / per. s fr. S. N. Zenkina. M. : Izd-vo im. Sabashnikovykh.

Gogol', N. V. (1975) Mertvyje dushi. M. : Prosveshchenie.

Delez, Zh. (2011) Logika smysla / per. s fr. Ia. I. Svirskogo. M. : Akademicheskii projekt.

Inozemtsev, V. (2012) K gadalke ne khodi [Elektr. resurs] // Moskovskii komsomolets. 29 oktiabria. № 26079. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2012/10/28/766957-k-gadalke-ne-hodi.html> (data obrashcheniia: 12.05.2013).

Luman, N. (2001) Vlast' / per. s nem. A. Iu. Antonovskogo. M. : Praksis.

Luman, N. (2007) Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii / per. s nem. I. D. Gazieva. SPb. : Nauka.

Osipova, N. O. (2011) Semiotika kul'tury. M. : Ekslibris.

Podosenov, S. (2013) Ostrovskogo i Turgeneva staviat v shkolakh na osobyi kontrol' [Elektr. resurs] // Izvestia. 6 marta. URL: <http://izvestia.ru/news/545948> (data obrashcheniia: 12.05.2013).

Popov, V. D., Fedorov, E. S. (2004) Kommunikativnye kody imidzha vlasti. M. : ID «Kameron».

Sotsiologicheskaia entsiklopediia (2003) : v 2 t. / gl. red. V. N. Ivanov. M. : Mysl'. T. 1.